

Там, где осталась частичка души

Жизнь прожить – не поле перейти

ПОМНЮ ВСЕ, ЧТО БЫЛО

В одной из маленьких квартир потаповского дома, разделенного на четыре семьи, долго не закипали котлы. Из сеней тянуло земляной сыростью. Сгустились сумерки, но две хозяйки, старая и молодая – мать и дочь, обе Марии Яковлевны, любили эти неторопливые августовские вечера, когда дом еще не погрузился в смуглую синь, а в печке жадно потрескивали дрова, играя огненными сполохами на потолке и половицах.

Из кухни растекалось по комнате тепло. В Дудинке еще не включили центральное отопление, и в городских квартирах, отсыревших за два дождливых летних месяца, отсылаивалась с потолка и стен штукатурка, дыбились хорошо и ладно подогнанное половое покрытие. А здесь, в потаповском доме, несмотря на зарядившую непогоду, было тепло и уютно. Старая Мария Яковлевна сидела, притулившись к спинке дивана, подложив под голову скрученное дочерью в тугой валик одеяло. Нестерпимо болела шея. Незадолго до этого старушка разнервничалась, и теперь на ее щеках нездорово алели два ярких пятна. «Давление поднялось», – указав глазами на мать, сказала молодая Мария Яковлевна, – волноваться ей нельзя». А с волнением старшая Мария Яковлевна справляется плохо, особенно когда заходит речь о далеком прошлом.

Вроде уж и на судьбу гневаться грех – у людей бывало похуже, а они с мужем Яковом Яковлевичем (царствие ему небесное) шестерых детей вырастили, выучили, на

за Якова и вместе с ним налаживала свой нехитрый быт в Усть-Хантайке. Был когда-то такой поселок в семидесяти километрах от Потапово. Был, да весь вышел. Поселок закрыли, и теперь там, кроме зарослей бурьяна, нет ничего. Много горя принесла ей Усть-Хантайка, но и радости были. Чего было больше, уже и не вспомнить. Когда Мария Яковлевна перебирает прошлое, оно встает в ее памяти настолько отчетливо, что, кажется, протяни руку и дотронешься до него...

– Все помню, как было, – с резким немецким акцентом говорит старушка. – Как нас в 1942 году сажали в вагоны и везли от Волги далеко в Сибирь. Такое никогда не забудется. Привезли нас в Красноярский край и высадили на станции Уяр. В деревню перевозили на телегах. Там мы перебивались до весны, а потом в мае всех погрузили на баржу и отправили вниз по Енисею, на самый север.

На барже царил самый настоящий интернационал. Кого только не везли на Север – семьями плыли латыши, финны, немцы, поляки, калмыки. Мария ехала с матерью и сестрой. Отца еще раньше, как многих других немецких мужчин, забрали в трудовую армию. Родного брата, Кондрата Бауэра, еще до войны призвали в Красную Армию, и он, советский командир, бился где-то на фронте, ничего не зная о судьбе своей семьи.

Забегая вперед, скажу, что Кондрат Яковлевич Бауэр волевал, был награжден и вернулся с Великой Отечественной войны инвалидом. После чего он долгие годы жил в Новоси-

Анна Яковлевна Завадовская, старшая из дочерей Марии Яковлевны, – дипломированный бухгалтер. Но после сокращения в сельской администрации осталась без работы. Нынче летом она трудилась в местном магазине.

бирске, но по каким-то неведомым причинам был лишен всех льгот как ветеран и инвалид войны. Тяжело об этом думать, но и такой бывает благодарность Отечества. Горькой, как полынь.

Лето в этом году выдалось какое-то слезливое. То и дело шли дожди, уныло барабанило по стеклам и оконным карнизам. Редкий день пробивалось сквозь унылость солнышко, но если такое случалось, то поселок Потапово сиял в лучах, словно начищенный до блеска самовар. Блестела река, по-особенному желтел в низине старого Потапово, прозванного ссыльными немцами Берлином, деревянный сруб строящегося семей Столыпиных дома, радостно алела омытая дождем рябина на Шмалево-горе (на снимке), а у подножия ее, весело помахивая хвостами, паслись две коховские буренки и бык.

Сегодня с самого утра зарядил дождь. Небо было пасмурно-серым, тяжело волновался батюшка-Енисей, весь какого-то блекло-стального, словно линялого цвета, гоня от берега к берегу вспененные буруны. Изредка взбрызгивали во дворах собаки, провожая невестку как забредшего в их двор гостя. В этот день судьба свела меня с семьей бывших переселенцев из Поволжья, для которых далекий северный поселок на Таймыре стал второй родиной.

ОДНА РЫБА – ОДНА ПУЛЯ

На долгие годы прибежищем трех женщин из семьи Бауэр стала Усть-Хантайка, расположенная на берегу Енисея. Высадили спецпереселенцев прямо на голый берег. Жилья не было, спать ложились прямо на скалистом берегу, предварительно застелив камнями каким-нибудь тряпьем. И вообще в природе творилось что-то странное – постоянно было светло, как днем. Женщины в недоумении крутили головами, пока одна латышка-медсестра не объяснила Марии, что летом на Севере всегда так, пока не наступит зима – потом будет всегда темно. Дескать, ложитесь спать и не обращайтесь внимания на то, что день на дворе.

Когда немного осмотрелись, оказалось, что Усть-Хантайка представляет собой

остались без пропитания. Хотя вряд ли уплывшие по ошибке продукты попали тем, кого высадили в Потапово, – там спецпереселенцы тоже вымирали от голода и болезней.

Чтобы не умереть, нужно было работать. По Енисею справляли плоты – ребята и девушки, вцепившись негнущимися пальцами в веревки, таскали от берега бревна, ловили рыбу, делали другую обязательную работу. Постепенно начали строить бревенчатые дома, но жилья на всех

Младшая Мария Яковлевна посвятила себя педагогике.

кому не было дела. Рыбачила Мария Яковлевна в Усть-Хантайке почти пятнадцать лет – во время войны и после нее, до самого переезда в поселок Потапово.

УСТЬ-ХАНТАЙКА – СУДЬБА МОЯ

Когда спецпереселенцам разрешили выезжать, Кондрат Бауэр забрал из Усть-Хантайки мать и сестру. А Мария осталась, потому что в ее жизнь прочно вошел Яков Шмаль. Появилась своя семья, пошли дети. А Мария Бауэр с детства крепко была приучена к мысли о том, что для женщины на свете существуют три главные вещи: дом, семья, дети. Как скажет муж, так и будет. Даже несмотря на то, что Яков был младше Марии, главой семьи и кормильцем всегда оставался он.

Якову Шмалю было 16 лет, когда они познакомились с Марией на пересылке в 1942 году. Всех старших парней и мужчин, высланных в Красноярский край, гнали на лесоповал. Якова с матерью и младшим братом отправили на Таймыр. Старшим братьям, оставшимся в трудовой армии далеко в Красноярских лесах, жилось не лучше, чем ссыльным на Таймыре. Позже, если удавалось черкнуть пару строк, братья рассказывали о том, что стало с ними, с их жизнью и что повторялось изо дня в день: холод, голод, изнуряющий труд. Трудармейцам варили баланду из рыбьих голов, которая нисколько не насыщала. Один из братьев Якова так и умер на лесоповале.

Мария была старше Якова на пять лет, но тогда это обстоятельство не имело значения. Война шла к закату, жизнь брала свое: в редкие часы досуга молодежи собиралась в красном уголке конторы, готовила концерты, постановки. Почти сразу же после войны Яков и Мария поженились. В

1949 году у них родился первый сын, потом еще один, потом – две дочери.

Когда со спецпереселенцев сняли запрет на выезд, родственники Якова – мать, братья и сестры – уехали в далекий жаркий Казахстан, где со времен войны оставалось много советских немцев. После развала Союза родственники Якова Шмалю перебрались в Германию. А сам он отказался уезжать.

По словам домочадцев, не пожелал отец покидать насиженные места. На всю жизнь хватило ему переселения из Поволжья, а потом – из Усть-Хантайки. Да и не дело это – ехать куда-то за лучшей долей, говорил он. А здесь... Здесь, в Потапово, можно было жить. Были бы руки при деле да хозяйская голова на плечах. А этого у советских немцев было не отнять.

***

После войны Якова послали учиться в сельхозтехникум в Дудинку. Выучившись, стал он заготовителем в рыбкоопе. Да и сами супруги не ленились – держали скотину, выращивали овощи на огородах.

– В колхозе, – вспоминает Мария Яковлевна, – работала за мизерные трудовые – давали семь рублей за один день и три рубля за полдня. Но все равно работали – на трудодни получали все, что сами выращивали в колхозе.

До сих пор Мария Яковлевна с тоской вспоминает Усть-Хантайку. Так бы и вернулась туда. Там осталась часть ее души, там прошла юность, там случилась любовь, там она узнала радость материнства. В Потапово семья перебралась в 1957 году, когда Усть-Хантайку признали неперспективной деревней – закрыли санаторно-лечебную школу, сворачивали работу и некоторые другие учреждения. Кто-то из немцев уезжал на «материк» к родственникам, а некоторые перевозили в Потапово срубы домов, скот, домашний скраб. Из Усть-Хантайки Яков и Мария уехали с четырьмя детьми. Двое младших – Володя и Маша – родились уже в Потапово. Когда переехали в этот поселок, обосновались почти на самом берегу Енисея – у подножья высокой крутой горы. И хотя позже семья перебралась в центр застраиваемого новыми домами поселка, гору с тех пор так и называют Шмалево-горой.

Долгие годы Мария Яковлевна работала на потаповской звероферме, повариха, мыла полы – всю жизнь работала не покладая рук, и на пенсию пошла только в 68 лет.

– Как Вы думаете, можно простить то, что случилось с целым народом? – спрашиваю я свою мудрую, повидавшую много горя, собеседницу.

– Ты веришь в Бога? – неожиданно задает встречный вопрос Мария Яковлевна, испытующе глядя на меня. Немного помолчав, добавляет: – Бог всех рассудит. Здесь умирать буду. На родине, – с усталостью в голосе завершает наш разговор Мария Яковлевна.

И добавить к этому нечего. Разве что склонить голову перед стариками, на чью долю выпали такие суровые, жестокие испытания.

...Гнет ветер рябину на Шмалево-горе, подхватывает вихрем багряные листья. Гнется тонкое деревце, чудом обособавшееся на склоне крутого холма, куда не всяк заберется, но не ломается. Так и человек – иной сразу надломится, иного жизнь в дугу согнет, а он возьмет и выпрямится. Да еще глядишь – вокруг него пробегает молодая крепкая и стойкая поросль. Значит, не кончена жизнь и не напрасно все было...

□ **Ирина АПЛЕСНЕВА**
(фото автора).